

Возможно, из-за того что Генрих не мог определиться с именем, он чаще называл ее просто малышкой.

В любом случае, это был ее седьмой год жизни без имени, так что она не испытывала особого дискомфорта.

Тем не менее, он, похоже, постоянно пытался подобрать для нее имя, и это ее не слишком беспокоило, потому что она по-прежнему называла его «герцог» вместо «отец».

— Все готово!

А сегодня она наконец закончила рисунок, над которым корпела несколько дней.

Конечно, картина была не идеальна, но для семилетнего ребенка это было большим достижением. На то, чтобы написать портрет Генриха, она потратила целых три дня.

«На этот раз я не позволю тебе сказать, что все ужасно!»

Конечно, она сама не позволит.

Эта картина была приманкой.

— Передайте герцогу это.

— Разве леди сама не передаст ему это?

— Ох... Я... Я стесняюсь...

На самом деле это была ложь.

Я просто придумала предлог, чтобы сбежать и сегодня, а также надеялась, что служанки ничего ему не скажут.

Пришло время обеда.

Я заранее сказала, что сегодня пойду в сад одна, а потом вышла на улицу.

Даже если я отправлюсь без сопровождения, Генрих наложил на меня магию, так что можно не беспокоиться, что я потеряюсь, а другие слуги будут следить за мной, поэтому горничные решили подождать меня в сторонке.

Оставшиеся в комнате служанки разглядывали картины госпожи и болтали.

— О, посмотрите на это. Она стала рисовать еще лучше! Думаешь, она хочет, чтобы я в следующий раз покупала ей краски, а не мелки? Я рада, что купила их для нее.

— Разве не я первая придумала идею с мелками?

— Но ведь это я купила бумагу! Я куплю немного красок для моей леди.

— Я уже купила для нее.

— Дешевку!

Служанки начали спорить, расхваливая собственные заслуги.

Сдержанно успокоив их, Пейна взглянула на картину госпожи.

Затем раздался стук.

Служанки мгновенно перестали шуметь и открыли дверь. В комнату явился их господин собственной персоной, чтобы непременно забрать сегодня свою дочь.

Генрих вошел и огляделся.

— Где малышка?

— Она ушла играть в сад. Она попросила меня передать это господину вместо нее, — Пейна вежливо передала Генриху картину, которую держала в руках, и добавила: — Леди сказала, что смущена и не может передать ее вам лично. Возможно, поэтому она избегает вас.

Генрих с бесстрастным видом посмотрел на бумагу с рисунком и сделал гримасу.

— Это отговорка, она снова сбежала сегодня, как и вчера.

Служанки напряглись.

На мгновение они забыли, что их хозяин был похож на чудовище.

— Почему она убежала? Жаль, что она сделала это уже дважды.

— Она в очень застенчивом возрасте. Может быть, поэтому она и ушла в этот раз, — в отчаянии ответила Пейна, но их господин, не говоря ни слова, снова уставился на картину в своей руке.

Рисунок, выполненный разноцветными мелками, был очень изящным для семилетнего ребенка.

Даже если ее навыки еще не сравнятся с мастерством взрослых, то обязательно пробьется в изобразительном искусстве на самый верх, если оттачивать и полировать этот талант, пока она не вырастет.

Генрих долго смотрел на рисунок, затем выплюнул:

— Это уже слишком.

Служанки начали искоса поглядывать на Генриха, но его взгляд был прикован к картине.

— Мои брови слишком густые, а нос слишком вздернут. Черты лица слишком тонкие. Ресницы длинные...

По крайней мере, в глазах служанок, это была картина, нарисованная девочкой, которая изо всех сил пыталась изобразить самого красивого мужчину.

Как и ожидалось, в глазах придирчивого господина все было не так.

Пейна подняла голову и закатила глаза.

— ...В глазах ребенка я выгляжу так?

Конечно, он производит хорошее впечатление... На его губах появилась нежная улыбка.

На этот раз Генрих не велел своему помощнику отложить картину в сторону.

А потом ему стало любопытно.

Почему ребенок убежал?

Должна же быть причина.

Он тут же вышел из комнаты.

— Приготовьте десерт. Я поищу ребенка.

Прежде всего, необходимо найти девочку. Это стало его первоочередной задачей.

Генрих направился в сад замка один, оставив позади всех рыцарей и слуг, которые последовали за ним.

Служанки стали разговорчивыми, когда он ушел.

«Я думаю, хозяин определенно изменился».

* * *

—Лулу-лала, — напевал я, пересекая зал.

Пунктом назначения был сад.

Я чувствовала себя очень хорошо, возможно, потому что закончила портрет.

Может, это потому, что в последнее время служанки хвалят мои рисунки, но я становилась все более уверенной в себе.

Стану ли я известным художником в этой жизни?

Конечно, живопись стоит больших денег, и я не знаю, будет ли Генрих поддерживать меня в этом.

Позже, на церемонии пробуждения, я даже подумала, что хотела бы, чтобы меня опекал хранитель искусства.

Будет ли нормальным попросить его поддержать меня в душевном спокойствии?

«Оказывается, третий ребенок в этом доме уехал из города после пробуждения. Какую защиту он получил?»

Вскоре я вспомнила, как трое сыновей Генриха вернулись в замок.

Как и в оригинале, он и его сыновья не очень хорошо ладят.

Поэтому, хотя дети успели вернуться, они даже не заехали в дом родителей, но я слышала от служанок, что они вернутся в замок в этом году.

Они сказали, что знают, что Генрих жив, а не мертв.

Но я не знала, знают ли они все о моем существовании.

«О, я вдруг забеспокоилась».

В оригинальном произведении три брата были грубыми, вспыльчивыми и злыми.

В оригинале они были злодеями, как и герцог Венсгрей.

Кстати, не будут ли они надо мной издеваться, когда вернутся?

Главные герои — и мужской, и женский персонажи — в оригинале сильно страдали от этих троих. Трое братьев затравили обоих только потому, что те казались им неприятными.

Как и ожидалось, я все неправильно спланировала. От этой мысли я замедлила шаг и вдруг услышала голос за спиной.

<http://tl.rulate.ru/book/49139/1686434>